

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, *Кармир-блур*, Изд-во АН Арм. ССР, вып. I, 1950, 100 стр., тир. 1500, цена 10 руб.; вып. II, 1952, 88 стр., тир. 2000, цена 7 руб. 50 коп.

С 1939 г. на холме Кармир-блур («Красный холм») близ Еревана ведутся крупные археологические раскопки древнеурартской крепости Тейшебаини. Эти раскопки дали замечательные результаты, значительно обогатившие наши знания об истории и культуре одного из могущественных государств древнего Востока — Урарту. Результатам этих раскопок посвящены два выпуска недавно вышедшей книги руководителя Кармир-блурской археологической экспедиции проф. Б. Б. Пиотровского, опубликованной в серии «Археологические раскопки в Армении». Первый выпуск посвящен результатам работ 1939—1949 гг., причем результаты 1949 г. учтены в книге лишь частично. Специально результатам раскопок 1949—1950 гг. посвящен уже второй выпуск рецензируемой книги. Нужно приветствовать, что замечательные результаты Кармир-блурской экспедиции, благодаря этим публикациям проф. Б. Б. Пиотровского, столь своевременно становятся достоянием широкой научной общественности. Книги снабжены многочисленными иллюстрациями находок, планами раскопанных помещений, автографиями найденных надписей и т. д., что способствует более близкому ознакомлению с материалом и оказывает большую помощь специалистам, работающим над изучением древнейшего Закавказья и древневосточных стран.

Внимание научной общественности было привлечено к Кармир-блuru уже в 1936 г., когда на юго-восточном склоне холма был найден обломок урартской клинообразной надписи Русы II, царствовавшего во второй четверти и середине VII в. до н. э. Систематические раскопки находившейся на холме Кармир-блур урартской крепости начались в 1939 г. Первые два года они велись по единому плану отдельными археологическими экспедициями Гос. Эрмитажа (начальник экспедиции — Б. Б. Пиотровский), Комитета охраны исторических памятников Арм. ССР (начальник экспедиции К. Г. Кафадарян) и Арм. ФАН СССР (начальник экспедиции — С. В. Тер-Аветисян). Раскопки были прерваны в начале Великой Отечественной войны. С 1945 г. раскопки были возобновлены и с тех пор ведутся ежегодно совместной археологической экспедицией Института истории АН Арм. ССР и Гос. Эрмитажа под руководством проф. Б. Б. Пиотровского. В работе экспедиции принимали участие многочисленные научные сотрудники АН Арм. ССР, Гос. Эрмитажа и студенты-практиканты Ереванского, Ленинградского и Московского университетов. Основные раскопки производились на главном холме, собственно Кармир-блуре, где находилась цитадель; с 1948 г. раскапывалось также древнее поселение — «город» урартского времени, расположенный к западу и югу от холма.

Большое здание на главном холме, как полагает автор, «было дворцом урартского наместника, на обязанности которого лежало управление областями Закавказья, присоединенными к Урарту, и наблюдение за сбором дани и выполнением воинских и трудовых повинностей. Во дворце, кроме жилых комнат наместника, находились также многочисленные кладовые и помещения хозяйственного назначения, в которых поступающая в крепость дань подвергалась обработке» (вып. I, стр. 20¹). Эта громадная по-

¹ В дальнейшем указания на страницы без упоминания выпуска относятся к первому выпуску рецензируемой работы.

стройка занимала около 16 000 м² и имела около 120 помещений (стр. 43). Стены дворца сложены из крупных сырцовых кирпичей с примесью рубленой соломы (основной размер: 52×35×14 см) на цоколе высотой около 2 м, сооруженном из громадных грубообработанных камней. Внешняя стена возводилась в 10 рядов кирпичей (т. е. имела толщину 3,5 м), а внутренняя — из 6 рядов. В средней части холма высота стен достигает 7 м, на основании чего автор склонен считать, что первоначальная высота помещений превышала 10 м. Помещения, как правило, имели удлиненную форму, достигая иногда 30 м длины, по ширине же редко более 4 м. Потолочные перекрытия были плоскими (использовались балки из сосны, тополя, дуба, редко бука), пол в большинстве случаев был земляным, утрамбованным (хотя в некоторых помещениях были обнаружены полы, сложенные из крупных сырцовых кирпичей, покрытых сверху толстым слоем глины). Окна устраивались в верхней части стены, под самым перекрытием. В основном здание было одноэтажным, но центральная часть дворца, как показали раскопки 1949 г., состояла из двух этажей. «По своим архитектурным формам, — приходит к заключению автор, — здание, раскапываемое на Кармир-блуре, оказывается весьма близким к памятникам древневосточной, в частности ассирийской, архитектуры, отличаясь от последней отсутствием внутренних дворов» (стр. 45).

Раскопки Кармир-блур дали очень ценный материал для изучения многих сторон экономики Урарту. Был открыт, например, замечательный материал, освещающий состояние земледелия, животноводства и ремесла в Урарту. В частности, раскопки со всей очевидностью выявили высокий уровень урартского земледелия, о чем говорят прежде всего зерновые остатки, обнаруженные в громадном количестве во время раскопок. Цитадель, по всей вероятности, «являлась местом, где хранились запасы зерна, собранного на землях вокруг города и поступившего в виде дани» (стр. 27). Обнаружено много разных сортов пшеницы и ячменя, часто весьма высокого качества. Между прочим, найден сосуд, в котором приготавливалось пиво (стр. 28). Кроме пшеницы и ячменя, обнаружены запасы ржи, а также разные сорта проса, которое также применялось для приготовления пива. Раскопки свидетельствуют также о широком распространении в Урарту культуры кунжута, причем имеются явные следы производства в большом количестве кунжутного масла в самой крепости (стр. 29). Весьма высок был уровень земледельческой техники (стр. 30 сл.). Основные земледельческие орудия изготовлялись из железа. Найденны серпы и вилы, наконечник мотыги или сошника и другие предметы из железа.

Имеются интересные материалы о садоводстве и высокоразвитом в Урарту виноградарстве. Найденны остатки плодов алычи, граната, семена арбуза и т. д. (стр. 31). Раскопки дали большое количество обугленных виноградных лоз, найдены также остатки винограда, хотя и в малом количестве, что объясняется тем, что к моменту гибели города (в начале августа) виноград еще не созрел (стр. 31). В этом отношении весьма интересны раскопки 1949 и 1950 гг., когда были открыты и исследованы две большие кладовые (№ 25 и 28), предназначенные для хранения вина. Кладовая № 25 (II, стр. 16 сл.) представляла собою большое помещение площадью свыше 300 м², а кладовая № 28 (II, стр. 28 сл.) занимала около 280 м². Вся территория этих кладовых была занята крупными сосудами — карасами, наполовину вкопанными в земляной пол. В кладовой № 25 открыто 82 таких караса, в кладовой № 28 — 70 карасов. На сосудах клинописью или же иероглифическими знаками отмечалась емкость: указывалось, сколько акарки или теруси (вила) мог вместить данный карас. Леманн-Гаупт, на основании реконструкции размеров сосудов из Топрах-кале, на которых были аналогичные обозначения емкости, предполагал, что акарки равнялась примерно 120—150 литрам, а теруси (это название раньше неправильно читали как «хируси») — около 12—15 литров. На основании кармир-блурского материала Б. Б. Пиотровскому удалось исправить это ошибочное определение Леманн-Гаупта. Оказывается, что в действительности акарки равнялась около 240—250 литрам, теруси же составлял девятую или десятую часть акарки (II, стр. 74).

Таким образом, две кладовые с карасами (№ 25 и 28) хранили громадное количество вина — около 610 акарки, т. е. примерно 150 тысяч литров, что лиш-

ний раз подтверждает свидетельства письменных источников о высоком развитии виноградарства в Араратской долине уже в урартскую эпоху (II, стр. 74).

Материалы раскопок Кармир-блур прекрасно иллюстрируют также развитие оживотноводства в этом уголке Урарту (стр. 31 сл.). Притом, как отмечает автор, остеологический материал из Кармир-блур представляет совершенно исключительный интерес для истории скотоводства. Урартская лошадь, например, оказалась представителем специально выведенной породы. Обнаружены также кости ослов, крупного рогатого скота, а также, хотя и в меньшем количестве, мелкого рогатого скота; мелкий рогатый скот в момент гибели крепости находился еще на горных пастбищах.

Ценный материал дают раскопки и для изучения урартского ремесла (стр. 34 сл.). Обнаружено много образцов шерстяной ткани, в одной из кладовых найдено большое количество пряжи. Найдены хорошо сохранившиеся деревянные предметы (ложка, сосуд, деревянные части мебели, остатки деревянного колчана, покрытого кожей, и т. д.). Поражает громадное разнообразие керамических изделий. Большую группу составляет керамика урартского образца — красная лощеная, чрезвычайно разработанных форм: кувшины с одной ручкой, профилированные чаши и небольшие двойные сосуды. Вторую группу керамики составляют местные изделия: грубые сосуды черного цвета, часто в форме горшков с широкой горловиной, украшенные под венчиком елочным гребенчатым узором и семячковым или волнообразным орнаментом; встречаются такие сосуды и без всякой ornamentации. Третью группу керамики составляют сосуды, имеющие аналогию в закавказских могильниках VII—VI вв. до н. э. (стр. 36).

Значительный материал дали раскопки и для урартской металлургии. Преобладают железные предметы, бронзовые представлены сравнительно слабо. Это, в основном, украшения: браслет и пояса; последние имеют аналогии в закавказском материале. Найдено много бронзовых декоративных щитов, украшавших стены внутренних помещений дворца (стр. 62 сл.). Среди них выделяется великолепный бронзовый щит с изображениями львов и быков, найденный в 1951 г. (II, стр. 51). Выдающимся памятником урартского искусства является шлем царя Аргишти I, обнаруженный в 1950 г. Лобная часть шлема украшена изображениями священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами. Эти изображения обрамлены фигурами змей с львиными головами. Височная и затылочные части шлема украшены изображениями урартских боевых колесниц и всадников. Аналогичные изображения имеются также на других шлемах, найденных на Кармир-блуре (I, стр. 63 сл.; II, стр. 49). Обращают на себя внимание также бронзовые колчаны с изображениями всадников и боевых колесниц. На Кармир-блуре было найдено много других замечательных памятников урартского искусства.

Значительную часть металлических предметов, обнаруженных на Кармир-блуре, как было уже отмечено выше, составляют железные предметы. Автор указывает, что «все железные предметы, найденные на Кармир-блуре, обнаруживают полное сходство с таковыми же из центральной части Урарту, в то время как бронзовые существенно отличаются от урартских и примыкают к местной закавказской металлургической традиции» (стр. 37). Этот вывод основан на сравнении железных изделий из столицы Урартского государства Тушпы (Топрах-кале) с аналогичными изделиями из Кармир-блур; к последним примыкают, как отмечает автор, железные изделия из закавказских могильников VII—VI вв. до н. э. Как полагает Б. Б. Плотовский, «связь начального этапа обработки железа на Кавказе с Ванским царством не подлежит сомнению. Бронзовые изделия Закавказья имеют самобытные, на Кавказе развившиеся формы, а железные первоначально копируют урартские, если не являются привезенными из Ванского царства. Изготовление из железа орудий типа бронзовых закавказских относится к более позднему времени, преимущественно к тому, когда на базе местных месторождений железа возникла уже собственная железная металлургия Закавказья» (стр. 87). Все же, как нам кажется, это положение автора нуждается в обосновании на более широком материале. Как отмечает сам автор, знаменитый Мишгечаурский могильник, например, указывает как будто другой, не урартский источник железа (там же). Кроме того, раскопки последних лет в Грузии свидетельствуют о раз-

витии здесь железной металлургии на основе высокоразвитой местной металлургии бронзы и т. д.

Из других находок на Кармир-блуре стоит отметить большое количество обломков стенных росписей. В помещении первого этажа эти росписи попали, повидимому, из обрушившегося второго этажа (II, стр. 41 сл.). Фрагменты росписей содержат орнаментальные мотивы, части фигур крылатых божеств и обломки диска с отходящими лучами, на концах которых помещены пальметки и гранатовые яблоки. Остатки замечательных стенных росписей в большом количестве обнаружены также в другой урартской крепости на холме Арин-берд (на окраине Еревана), раскопки которой ведутся с 1951 г. Следует отметить также находки многочисленных урартских печатей (I, стр. 70 сл.; II, стр. 45 сл.), а также ассирийских и египетских предметов, предметов малоазиатского круга и др., свидетельствующих о широких связях Урартского царства с другими странами древнего Востока и, в первую очередь, с Ассирией (стр. 77—85).

Необходимо остановиться и на замечательных эпиграфических находках. На Кармир-блуре до сих пор обнаружено около полутора десятков новых урартских клинообразных надписей. Отдельные урартские клинообразные надписи, найденные на Кармир-блуре, публиковались и раньше Б. Б. Пиотровским, а также И. М. Дьяконовым, главным образом в «Эпиграфике Востока» (вып. II, III, V). В рецензируемой работе, в частности во втором выпуске (стр. 49 сл.), приводится транскрипция и перевод подавляющего большинства найденных надписей, некоторые из них даны в автографиях. Большая часть надписей обнаружена на разных бронзовых предметах: чашах, цитах, шлемах, колчанах, умбонах пштов. Выше были упомянуты надписи на карасах. Найдено также несколько фрагментов табличек с клинописным текстом. Три из них опубликованы И. М. Дьяконовым в III выпуске «Эпиграфики Востока»¹. В рецензируемой работе, также в транскрипции И. М. Дьяконова, приводится текст четвертой такой таблички, открытой в 1949 г. (II, стр. 75 сл.). Текст ее, по всей вероятности, является письмом или, точнее, письменным распоряжением (приказом).

Бронзовые предметы содержат трафаретные надписи: это посвящения богу Халди — верховному божеству урартийцев, или указания на то, что данный предмет принадлежит тому или иному царю или «оружейному дому» такого-то царя. Бронзовые предметы, на которых находятся эти надписи, часто состоят из десятков обломков, и стоит немало труда воссоединить эти обломки и восстановить всю надпись. Эти работы выполнены Б. Б. Пиотровским с большим искусством. К сожалению, в транскрипции приведенных в книге надписей вкрались корректурные ошибки; следовало также быть последовательным при транскрипции идеограмм — передать их или в их шумерском значении, или же в ассиро-вавилонском. В издаваемых надписях одни идеограммы переданы в шумерском значении (например, EN— «владыка», TUR— «малый»), другие же по-ассирийски (например, BĪTU «дом», ĀLU— «город»).

Кроме клинообразной системы письма, заимствованной урартийцами от ассирийцев, в Урарту было в употреблении также пероглифическое письмо, повидимому, местного происхождения. Раскопки на Кармир-блуре дали нам богатый материал для изучения пероглифического письма. На большинстве крупных сосудов для вина — карасов, открытых в кладовых № 25 и 28, обозначения емкости даны по пероглифической системе; в работе Б. Б. Пиотровского приводится автография всех этих пероглифических обозначений емкости на карасах — их насчитывается больше ста (II, стр. 68—73). Оказалось, что в урартском пероглифическом письме последовательность знаков шла не слева направо, как в клинописи, а справа налево, цифры обозначались круглыми углублениями и т. д.

В одном из помещений дворца была обнаружена часть бронзового запора с надписью, гласящей: «Дом оружия Русы, сына Аргшити, города Тейшебаини» (I, стр. 20). Очевидно, Тейшебаини и было название урартского города, находившегося в районе

¹ Один из этих документов И. М. Дьяконов считает счетным документом, остальные же два, по его мнению, являются фрагментами документов юридического характера.

нынешнего Кармир-блур. Эта надпись, как отмечает автор, важна и для датировки, подтверждая «предположения, что раскопанные нами помещения дворца на холме относятся к VII в. до н. э., ко времени правления урартского царя Русы, сына Аргишти» (стр. 20 сл.). Об этом же свидетельствует также найденный еще в 1936 г. на холме обломок надписи этого самого царя Русы II, сына Аргишти (II, стр. 9).

Этой датировке как будто противоречит то, что «все бронзовые предметы», найденные в кладовых Тейшебаини, относятся не к VII, а к VIII в. до н. э. Однако Б. Б. Пиотровский полагает, что это не только не противоречит вышеуказанной датировке, но подтверждает его мнение о перенесении этих предметов после реформы административного управления в кладовые Тейшебаини из старых административных центров, в частности, из Аргиштихинили (II, стр. 9). Это предположение, по мнению автора, подтвердилось раскопками 1950 г., когда на Кармир-блуре были открыты плиты, которые Аргишти I пожертвовал в другую урартскую крепость — в Ирпуни (совр. Аринберд, на окраине Еревана) (II, стр. 9 сл.). Б. Б. Пиотровский полагает, что город Тейшебаини (Кармир-блур) стал административным центром во втором периоде урартской истории (VII — начало VI вв. до н. э.). «В последней четверти VIII в. до н. э. в Урарту произошел мятеж, поднятый против царя военачальниками, туртанами, правителями окраинных областей царства, власть которых на местах чрезмерно возросла... В ответ на мятеж, Руса I, сын Сардури, провел реформу управления окраинными областями, выразившуюся в разукрупнении старых наместничеств, в замене крупных административных центров более мелкими. В Закавказье, повидимому, именно в это время потерял свое прежнее положение крупнейший центр VIII в. до н. э., крепость Аргиштихинили (на Армавирском холме)...» (II, стр. 8).

Данное предположение автора, как нам кажется, нуждается в дальнейшем обосновании. Ведь картина, которая рисуется автором, больше походит на укрупнение, чем на «разукрупнение»: теряет свое значение Аргиштихинили, теряет значение и Ирпуни, предметы из них переносят в Тейшебаини, который становится «крупнейшим урартским административным центром в Закавказье». Таким образом, вместо предыдущих трех (Аргиштихинили, Ирпуни, Тейшебаини) или, по крайней мере двух, если Тейшебаини к этому времени еще не существовал, в VII в. на Араратской долине уже фигурирует только один центр (Тейшебаини). Предметы из других урартских крепостей, как нам кажется, могли оказаться в Тейшебаини скорее по другим причинам — вследствие того, что эти крепости подверглись разгрому врагами раньше Тейшебаини; часть спасенного от врагов имущества этих крепостей, повидимому, была доставлена в Тейшебаини. Этот разгром соседних урартских крепостей мог произойти не только в самом конце существования Урартского царства, но и раньше, например, в конце VIII в. — во время крупных вторжений киммеро-скифов. Ведь вряд ли имело смысл бросить такую первоклассную крепость как Ирпуни и превратить в административный центр Тейшебаини, который укреплен несравненно слабее и к тому же по раскопкам предстает перед нами скорее как хозяйственный центр, чем крепость.

В Тейшебаини обнаруживаются предметы, по всей вероятности, не только из Ирпуни. По мнению Б. Б. Пиотровского, тот факт, что все бронзовые предметы с надписями урартских царей относятся к VIII в. до н. э., свидетельствует о перенесении этих предметов из других мест после реформы административного управления, проведенной Русой I в конце VIII в. Но надпись на одной чаше (II, стр. 63), которую Б. Б. Пиотровский считает принадлежащей Русе I, по всей вероятности, принадлежит не ему, а царствовавшему в первой половине VII в. Русе II: в надписи упоминается о «Малом городе (царя) Русы» (*Ṛusaini URU TUR-gi*), о строительстве которого повествуется в надписи Русы II из Маку. На это указывает также различие в характере письма и в изображениях между этой чашей и пятью другими чашами, носящими имя Русы, которые принадлежат, по всей вероятности, Русе I (II, стр. 56). Таким образом, эта чаша Русы II находилась, очевидно, первоначально в «Малом городе Русы», построенном Русой II в районе современного Маку, и оттуда попала в Тейшебаини, возможно, потому, что «Малый город Русы» был разгромлен врагами раньше, чем Тейшебаини.

Кроме того, данные ассирийских источников конца VIII в. до н. э.—надписи Саргона II и ассирийская царская корреспонденция также не свидетельствуют о разукрупнении административных округов. Саргон I, например, который прошел по обширной территории Урарту, отмечает, что он покорил «430 поселений 7 областей Урсы урартского» (ВДИ, 1951, № 2, стр. 333). Под этими 7 областями, по всей вероятности, подразумеваются: 1) Суби, 2) Бари (район городов Таруи и Тармакиса), 3) район Улху, 4) Сангибуту, 5) Армарили, 6) Аиаду и 7) Уаиаис. Что это деление соответствовало административному делению, показывает то обстоятельство, что в письмах ассирийских агентов — информаторов ассирийского царского двора о положении в Урарту упоминаются «областена начальники» некоторых из этих областей — например, упоминаются: «областена начальник Армарили (Армираллу)» (там же, стр. 338) или «областена начальник Уаиаис» (варианты: Уаиа, Уазаа) (там же, стр. 337—339). Перечисленные выше области включали в себя довольно обширную территорию; это, в частности, можно сказать об области Армарили, раскинувшейся на огромном пространстве между Ванским и Урмийским озерами. В вышеназванных письмах упоминается также урартский областена начальник страны Алзи — тоже крупной области на западной окраине урартской державы (там же, стр. 338) и т. д.

Таким образом, как нам кажется, имеющиеся в нашем распоряжении материалы мало говорят об административной реформе, проведенной, по мнению автора, Русой I, и эта гипотеза нуждается еще в дальнейшей аргументации.

Кроме того, общепринятое у нас до сих пор положение о том, что Аргиштихинили был «на протяжении всего VIII в. до н. э. основным и единственным урартским административным центром в Закавказье» (стр. 8, 10), в частности в Араратской долине, сейчас, повидимому, несколько устарело. Этот взгляд на Аргиштихинили утвердился тогда, когда мы ничего не знали, например, о крепости Ирпуни. Но после того как, благодаря находкам последних трех лет на холме Арин-берд (II, стр. 9 сл.), стало ясно, что здесь находилась построенная Аргишти I мощная крепость, этот взгляд на Аргиштихинили нуждается в пересмотре. Основание Аргиштихинили и Ирпуни упоминается в летописи Аргишти I, причем о построении Ирпуни речь идет во II столбце (стк. 33), а о построении Аргиштихинили лишь в IV столбце (стк. 72). Таким образом, Ирпуни, должно быть, был основан раньше, чем Аргиштихинили. Обращает также внимание различие в сообщениях о воздвижении этих двух крепостей; по отношению к Аргиштихинили сказано от имени Аргишти: «Аргиштихинили я воздвиг, из реки (?) канал стране Аза (т. е. той области, в которой был основан этот город) я провел»; в надписи же из самого Аргиштихинили (Армавир) вместе с сообщением о построении Аргиштихинили также говорится о проведении четырех каналов, об устройстве садов и виноградников (МАК, V, надпись № 9). Но в той же летописи Аргишти I, в сообщении о построении Ирпуни, говорится, что Аргишти воздвиг этот город «для могущества страны Бианили (и) для усмирения вражеской страны». Это же говорится также в надписи, сообщающей о построении Ирпуни, найденной в 1950 г. на территории самого Ирпуни. Таким образом, в отношении Ирпуни подчеркивается именно его военное значение, в Аргиштихинили же на переднем плане стояла как будто хозяйственная деятельность. Все это говорит за то, что, если в VIII в. в Араратской долине и существовал лишь один административный центр, то это был, повидимому, не Аргиштихинили, а именно Ирпуни.

Весьма интересные результаты дали раскопки поселения («города»), расположенного к западу и югу от Кармир-блурского холма. Раскопкам этого древнего поселения посвящен небольшой обзор В. С. Сорокина, помещенный в конце II выпуска «Кармир-блур» (стр. 79—86). Данное поселение занимало обширную территорию площадью около 40 гектаров. Пока раскопана весьма незначительная его часть. Здесь прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в раскопанных «жилищах не обнаружены сколь-нибудь опутительные следы собственного хозяйства семей, отсутствуют помещения для скота, места хранения запаса продуктов. В кварталах намечаются даже обособленные кладовые, как будто не входящие в отдельные жилища» (II, стр. 10). Б. Б. Пиотровский предполагает, что в поселении у Кармир-блур «жили

урартские войны с их семьями, многочисленные ремесленники, трудившиеся над переработкой громадной дани, поступавшей в Тейшебаини, а также земледельцы, работавшие на полях и садах, принадлежавших Урартскому государству... естественно, что жители указанных категорий, т. е. войны, ремесленники и земледельцы, находившиеся в зависимом положении от урартской государственной власти, состояли на государственном довольствии и не имели собственного хозяйства, обеспечивавшего их существование» (II, стр. 10; ср. I, стр. 18, 20). По архитектурным формам и строительным приемам городские постройки существенно отличаются от здания на холме. В то время как архитектура строения на самом холме Кармир-блур, как отмечает Б. Б. Пиотровский, была тесно связана с архитектурой государств Месопотамии и восточной части Малой Азии, широко использующей сырцовый кирпич, городские постройки, по его мнению, дают нам, повидимому, образец закавказской строительной техники начала I тысячелетия до н. э. (стр. 17). В раскопанных жилищах «города» найдены многочисленные образцы как урартской, так и закавказской керамики, отдельные железные предметы (нож, наконечник мотыги) хорошо известных урартских типов и т. д. На наличие ремесла в городе, как отмечает автор, указывает «створа литевой формы для крупного топора-секиры, найденная в 1936 г., каменная форма для отливки дисковидного ажурного украшения... и глиняный гончарный круг...» (стр. 18). Нужно пожелать, чтобы раскопки этого древнего поселения, имеющие огромное значение для изучения социального состава населения этого урартского центра, были продолжены быстрыми темпами; к сожалению, в 1951 и 1952 гг. раскопки поселения не производились; желательно также, чтобы материал из поселения, имеющий столь большое значение, стал темой специальных исследований, в первую очередь самого руководителя экспедиции, проф. Б. Б. Пиотровского.

Значительное место в рецензируемых книгах занимает вопрос о связях населения Кармир-блур со скифами. Во время раскопок найдено немало скифских предметов или предметов, отражающих связь со скифским искусством, что, по мнению Б. Б. Пиотровского, указывает на регулярные сношения скифов с урартами еще во время существования Урартского царства (I, стр. 86—97; II, стр. 11—13). Весьма остроумно предположение автора о том, что урартская крепость на Кармир-блуре пала под ударом скифов. Об этом свидетельствуют, по мнению автора, находки бронзовых наконечников стрел скифского типа у северо-западных ворот цитадели. По обстоятельствам их находки выясняется, что они принадлежали врагам, разгромившим крепость (стр. 86). Все же следует отметить, что войско, на вооружении которого были скифские наконечники стрел, вовсе не обязательно должно было состоять, по крайней мере целиком, из скифов. «Скифские наконечники стрел» могли быть в это время и на вооружении других племен. Характерен в этом отношении отмеченный автором факт, что в самом Кармир-блуре в основном слое комнаты № 24 были обнаружены два бронзовых наконечника стрел скифского типа, подобные тем, которые были найдены у северо-западных ворот. Таким образом, «в урартской крепости, наряду с железными черенковыми урартскими и бронзовыми закавказскими наконечниками стрел, бытовали также бронзовые скифские» (стр. 93). Скифские наконечники стрел встречаются во многих закавказских могильниках (Самтавро, Мингечаур и т. д.). Они, вероятно, не всегда указывают на скифское происхождение тех лиц, к вооружению которых они принадлежали.

Рецензируемые книги Б. Б. Пиотровского являются, несомненно, весьма ценной работой, знакомящей с замечательными результатами Кармир-блурской археологической экспедиции. Желательно, чтобы как можно скорее появились в свет новые работы Б. Б. Пиотровского, подвергающие более детальному анализу имеющий исключительное значение материал раскопок древнеурартской крепости Тейшебаини (Кармир-блур).

Г. А. Меликишвили